

Инкорпорации различных групп служилых людей в систему служебных отношений в Московском государстве XV–XVI вв.

М. М. Бенцианов

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19, Россия
E-mail: reklama@nus-ural.ru

Аннотация. В период перехода от позднего средневековья к раннему Новому времени в социальной, политической и экономической жизни Российского государства важную роль играли служилые люди. Процессы формирования и развития этого сословия в последние десятилетия активно исследуются отечественными историками. Автор статьи делает акцент на неоднозначности политики великих московских князей, стремившихся к инкорпорированию отдельных групп служилых людей, проживавших на территориях, не входивших ранее в их владения. Эта политика была гибкой: верховная власть стремилась прочно привязать служилых людей к себе, поэтому учитывала особенности каждой территории, и от этого зависел характер её присоединения. Эта гибкость и проявляемая властью щедрость по отношению к служилым людям позволили в короткий по историческим меркам срок создать довольно эффективную и жесткую систему служебных отношений, сцементировавших государство и позволивших власти заняться «социальной инженерией» – созданием общерусского «чина» служилых людей.

Ключевые слова: раннее Новое время, сословия, Российское государство, служилые люди, служебные отношения

Copyright: © 2020 Бенцианов, М. М. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

Incorporation of Various Service People into the System of Service Relations in the Muscovite Russia in the Fifteenth though Sixteenth Centuries

M. M. Bentsianov

Ural Federal University after the First President of Russia B. N. Yeltsin
19 Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia
E-mail: reklama@nus-ural.ru

Abstract. Studying the features of the process of formation and subsequent development of such an important layer in the social, political and economic structure of the Russian state of the late Middle Ages — the early New Age (“estate”) as service people, in recent decades has occupied not the last place in the historical research of Russian historians. The author of the article draws the attention of his readers to the ambiguity of the policy of the supreme authority on the “incorporation” of certain groups of service people who lived in territories that were not previously owned by the great Moscow princes. This policy was flexible - the supreme power tried to firmly tie service people to itself, taking into account local peculiarities and the nature of accession of one or another territory. This flexibility and the generosity shown by the authorities in relation to service people allowed to create a rather effective and tough system of service relations in the short historical terms. She cemented the state and allowed the authorities to engage in “social engineering” to create the all-Russian “rank” of service people.

Keywords: Early Modern time, estates, the Russian state, service people, service relations

Постепенное формирование Московского государства в XIV—XV веках означало не только объединение земель Северо-Восточной, а затем и Северо-Западной Руси в рамках одного государственного образования, но и консолидацию местных элит под властью «государей всея Руси». Выбранная военно-политическая модель развития московского государства определяла значимость этого процесса при проведении внутренней политики, а также при формировании круга приближенных к правящей династии лиц и фамилий, состав которого определяли великие московские князья, что объяснялось их личной заинтересованностью.

Процесс образования конгломерата служилых людей широко освещён в исторической литературе. Так, В. О. Ключевский с присущей ему яркой образностью писал, что «до XV в. московское боярство отличалось сбродным составом, слагалось из единиц различного происхождения, прибывавших в Москву при различных обстоятельствах» [Ключевский 1902, 209-210]. Логично предположить,

что выработка единых стандартов службы для этих разнородных «единиц» и адаптация последних к ним, а также к действующим в Российском государстве законодательным нормам должны были растянуться на долгое время. Распространенным является мнение о длительном бытовании в политическом строе страны удельной архаики, чему служит доказательством сохранение специфических черт некоторыми группами служилых людей. С течением времени «старина» изжила себя и централизованное государство укрепило свои позиции.¹ При отсутствии комплексных исследований сделанные в рамках такого подхода ценные наблюдения не дают ответа на вопрос о том, какие действия предпринимала великокняжеская власть, чтобы ускорить этот процесс.

Проводя политику централизации власти, великие князья часто применяли жесткие меры, отбирая владения у отдельных групп служилых людей, проживавших за пределами Московского государства, чтобы включить их в его состав. Так произошло в Новгородской и Псковской землях, где выселению подверглась подавляющая часть местных землевладельцев. Известны и другие примеры эффективного решения «княжеского вопроса». Например, князь Д. Д. Ярославский, взамен конфискованных родовых владений получил села в Звенигородском уезде. Вотчины в Переславском уезде достались князьям Пенковым. Позднее многие представители ростовского княжеского дома были переселены в Новгород, где получили обширные поместья в качестве компенсации за родовые земли, перешедшие в ведение Ивана III. Спустя некоторое время по той же причине в Стародубе-Ряполовском и в Можайске обосновались князья Мезецкие, [Зимин 1988, 84, 92–95, 135; Стрельников 2009, 94–95]. Конфискации подверглись обширные вотчины находящегося в опале князя И. Ю. Патрикеева. Всё это были весьма действенные способы включения служилых людей в систему служебных отношений в Московском государстве XV–XVI вв., однако имело место и сохранение некоторыми их группами обособленного положения, что объяснялось рядом причин.

Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии» точно подметил абсолютный характер власти московских правителей: «Властью, которую он (Василий III – М.Б.) имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира» [Герберштейн 1988, 72]. Сдерживающими факторами при решении судебных определенных лиц и их объединений в долговременной перспективе учитывая инерцию принятия решений – пресловутую московскую волокиту выступали лишь соображения функционального

¹ Веселовский 1947, 101–127; Зимин 1988, 67–153, 260–270; Зимин 1977, 161–188; Зимин 1973, 182–195; Флоря 1975, 281–290; Кобрин 1985, 48–89; Сметанина 1995, 49–80; Назаров 1999, 175–196; Назарова 1998, 195–204; Попов 2006; Городилин 2013, 55–65.

характера. Обособленные группы должны были доказывать свою полезность для действующей социально-политической системы. Некоторые из них создавались и поддерживались центральным правительством для реализации конкретных задач и органично вписывались в существующую модель государственного устройства. Постепенная трансформация их структуры и последующее исчезновение происходили в соответствии с возникающими запросами государства и были связаны с попытками найти эффективные решения (методом проб и ошибок) актуальных вопросов внутреннего управления.

Успешная адаптация «чужеродных элементов» к служебной системе зависела от двух важных причин: во-первых, от того, считала ли центральная власть целесообразным включение их в сложившуюся иерархию, а также уравнивание в правах с детьми боярскими, а иногда и с имеющими более высокий статус социальными прослойками (например, служилыми князьями), и способна ли была это осуществить; во-вторых, от желания самих «элементов» меняться и приспосабливаться к действующим правилам.

Последнее далеко не всегда имело место. Многие татарские мурзинские (мирзинские) роды на московской службе долгое время осознанно отказывались переходить в православие, которое открывало перед ними широкие возможности: карьерный рост и быстрое проникновение в структуру Государева двора [Акчурин, 2019]. Уезжали (бежали) со службы некоторые иностранцы. В известном деле Петра Фрязина, перешедшего в православие и женившегося в Москве, содержатся уверения, что «держал его князь великий силою» [Акты исторические 1841, 203–204]. Впоследствии вернулись в Европу немцы-опричники Г. Штаден, И. Таубе, И. Крузе, а также менее известные лица. Более многочисленными и болезненными для самолюбия московских правителей были обратные выезды (побег) выходцев из Великого княжества Литовского, некоторые из которых впоследствии доставляли им немало неприятностей (князь К. И. Острожский, Е. Дашкевич).

С течением времени названные выше причины претерпевали изменения. В зависимости от внутри- и внешнеполитической ситуации (особенно в случае с иностранцами на московской службе) менялась заинтересованность центральной власти в увеличении степени вовлеченности тех или иных обособленных групп в общегосударственные процессы. Соответствующие изменения происходили и в их статусе. С другой стороны, периодическому «размыванию» подвергались ряды членов подобных групп. Как правило, принадлежность к ним (при сохранении определенного стабильного положения) становилась препятствием для карьерного роста, так что некоторые представители выходили из состава таких групп и продвигались по лестнице чинов благодаря индивидуальным

(семейным) достижениям и связям. В различные периоды указанные процессы имели разную интенсивность, а их развитие предопределяло длительность сохранения особого положения части служилых людей в рамках единой служебной системы.

Начало процессу проникновения «инокняжцев» в эту систему было положено в рамках практики свободных боярских переходов, зафиксированной в межкняжеских докончаниях: «А бояром и слугам вольным воля». На службу к московским князьям, могущество которых возрастало на протяжении всего указанного периода, стекались «служилые землевладельцы» с разных, иногда весьма удаленных территорий. Переходам способствовал контроль над территорией Великого княжества Владимирского, благодаря которому под стяги Москвы в военных походах, наряду с членами дворов князей московской династии, собирались территориальные ополчения из прежде независимых княжеств.

В составе ратей («сил») присутствовали представители феодализма (бояре и слуги), особенно в случаях, когда они действовали автономно, в качестве отдельных отрядов. Исторические источники сохранили большое число подобных примеров. Так, в 1388 г. суздальские князья «испросиша себе (у Дмитрия Донского – М.Б.) силу в помочь, рать можайскую и звенигородскую и володьскую». В 1411 г. в походе Юрия Звенигородского к Нижнему Новгороду участвовали князья Андрей и Василий Владимировичи, «да князи ярославские, да князи ростовские, да костромская сила» [Приселков 1950, 432; ПСРА 1863, 487].

Именно бояре и слуги являлись в ратях основной ударной силой, хотя и не были их единственным составным элементом, поскольку контингент участников военных походов не отличался единообразием. Уровень социально-экономического развития существенно различался в разных частях Северо-Восточной Руси. На северных окраинах отсутствовало или было слабо представлено боярское землевладение. Устюжская и вологодская рати, а также воинственные вятчане, тем не менее, регулярно встречаются на страницах летописей. Их военный потенциал сохранял свое значение даже в начале XVI в., уже после создания поместной системы. В 1503 г., например, «князь великий (Иван III – М.Б.) посылал ратью устюжан да двинян стеретчи Ивангорода от немцев» [ПСРА 1982, 52].

Участие в «ратях» широких слоев населения было характерно и для центральных районов. Московские купцы присутствовали в составе наскоро собранных войск, выступивших в 1433 г. против Юрия Звенигородского. Позднее, в казанском походе 1469 г., среди москвичей, «кои пригожи по их силе», также находились сурожане, суконники и купчие люди [Алексеев 2009, 16, 66–68].

Ограниченность и привилегированный характер службы долгое время сдерживали рост численности княжеских дворов. Переход бояр

и слуг вольных к новым «сюзеренам» после утраты самостоятельности их прежними княжествами происходил в индивидуальном порядке. При отсутствии до определенного времени (условный рубеж – середина XV в.) заинтересованности великих московских князей в массовой службе часть местных землевладельцев теряла свой статус. Эта же судьба ждала некоторых находившихся прежде на княжеской службе лиц. Подобное положение вещей не было специфически московским, оно, видимо, являлось результатом политики княжеской власти в отношении всех недавно присоединенных территорий. Сами эти территории при изменении политической ситуации легко меняли свою владельческую принадлежность, переходя от одного княжеского дома к другому.

Снижение зависимости от Орды и объединение большого массива русских земель изменили эту ситуацию. Центральному правительству уже во второй половине XV в. потребовалось многократно увеличить число исполнителей различного уровня, прежде всего для несения военной службы («дальних» походов) на постоянной основе. Очень скоро служба приобрела обязательный характер для большинства крупных и средних землевладельцев вне зависимости от характера их прав на землю: вотчинников, держателей, позднее помещиков. Основную массу служилых людей составили дети боярские. Первоначально представители этой категории упоминались в качестве членов княжеских дворов (князья, бояре и дети боярские, а также «все дворяне» из жалованных грамот). Однако уже в казанском походе 1469 г., наряду с детьми боярскими «двор свои» (Ивана III. – М.Б.), упоминались «от всеа земли дети боярские изо всех градов» [ПСРА 1949, 281]. К этому времени основные характеристики статуса детей боярских были, очевидно, распространены на широкие слои пригодных к службе лиц различного происхождения.

Созданная служебная система эффективно цементировала новое государственное образование, многократно увеличивая количество связей между его отдельными территориями (уездами) и центральным правительством и придавая ему необходимую целостность. Эта система могла функционировать на протяжении длительного времени при условии обеспечения лояльности задействованных в ней служилых людей. Одним из первых шагов, сделанных московским правительством в этом направлении, стало широкое привлечение выходцев из местных корпораций в состав Государева двора. Процедура отбора отразилась, хотя и в самых общих чертах, в летописном известии 1463 г. о действиях ярославского наместника Иоанна Агафоновича Сущего, собравшего местных вотчинников (князя И.В. Стриги Оболенского. – М.Б.): «А кто будет сам добр, боарин или сын боярьской, ин его самого записал». Это известие дополняется актовыми материалами, согласно которым отобранные ярославцы были собраны в Москве, где получили жалованные грамоты на свои вотчины, то есть,

вероятно, приобрели статус дворовых детей боярских [ПСРА 1910, 158; Акты служилых землевладельцев 1997, 302–303].

Дворовая тетрадь 1550-х гг. – наиболее полный список дворовых детей боярских – показывает, что к этому времени в составе Государева двора присутствовало, по крайней мере, 44 отдельные территориальные группы. Сопоставление этого документа с другими источниками, восходящими к упоминаемой в родословных росписях «Дворовой книге» 1536/37 гг., дает основание говорить о том, что территориальная структура Государева двора существовала уже во втором десятилетии XVI в. и последовательно разрасталась за счёт появления новых элементов по мере расширения границ Московского государства.

Попадая в состав этой привилегированной корпорации, местные дети боярские получали доступ к системе государственного управления. Некоторые из них делали успешную придворную карьеру. Часто их служба, как военная, так и административная, проходила поблизости от родных уездов, что позволяло уменьшить издержки центрального правительства и повышало значение представителей местных элит в ее организации. Как члены Государева двора они получали кормления, а впоследствии, с началом поместных раздач, более высокие земельные оклады.

Массовые поместные раздачи, начавшиеся после завоевания Новгородской республики в 1478 г. и продолжавшиеся на протяжении нескольких последующих десятилетий, имели важнейшее значение для рядовых детей боярских. пожалование поместья при отсутствии вотчин не только позволяло выступать в поход «конно, людно и оружно», но и, при условии его передачи последующим поколениям (что стало обычной практикой уже в конце XV столетия), обеспечивало наследственный характер службы детей боярских, тем самым укрепляя их статус. Одним из элементов поместной системы стало периодическое проведение смотров служилых людей, по итогам которых происходило наделение земельными участками безземельных детей боярских. Прожиточные поместья выделялись также вдовам с малолетними детьми. Эти меры гарантировали защиту основной массы детей боярских от социальной деградации при возникновении различных жизненных коллизий.

Великокняжеской власти поместные раздачи давали дополнительную возможность разнообразить личный состав служилых людей на местах за счет новых выдвиженцев из более низких социальных слоев (различные дворцовые слуги, бывшие «люди» представителей знати и т. д.), выезжих иностранцев и невольных переселенцев. «Выводы» представляли собой радикальный способ достижения нужного баланса сил на «проблемных», недавно присоединенных территориях.

Впервые «поимания» неугодных лиц с их последующим переводом в центральные уезды были зафиксированы в 1477 г. в Новгороде, где они продолжались на протяжении нескольких последующих десятилетий. Их итогом стало почти полное исчезновение землевладения местных бояр и житых. Незначительные участки сохранили за собой лишь своеземцы, владения которых сокращались на протяжении всего XVI в. После взятия вятских городков в 1489 г. выселению подверглись местные «лутчие люди». Позднее та же судьба постигла псковских бояр, а также землевладельцев некоторых захваченных у Великого княжества Литовского территорий.

Численность детей боярских значительно выросла в последние десятилетия XV в. как за счет демократизации службы, так и за счет существенного расширения границ государства. Представители недавно присоединенных земель и княжеств уравнивались в правах со «старыми» слугами московских князей. На положение детей боярских переходили как родовитые потомки княжеских фамилий, так и бесфамильные бывшие холопы. Очевидно, что этот процесс не был одномоментным, и различные по своему происхождению, социальным связям и принципам объединения группы новых детей боярских долгое время сохраняли черты обособленности.

Можно выделить несколько причин размежевания подобных групп с основной массой служилых людей. Прежде всего это сохранение отдельными служилыми корпорациями особых прав, признаваемых центральным правительством. Известна была практика выдачи жалованных грамот «земле» при ее присоединении к основной территории. Подобные грамоты, запрещавшие приобретение вотчин иногородцами в Твери, Микулине, Торжке, Оболенске, Белозерье и Рязани, упомянуты в дополнительной статье Судебника 1550 г. (указ 1551 г.). Жалованные грамоты выдавались также Новгороду, Смоленску, вяземским «князьям и панам», вероятно, также ярославцам и представителям других земель [Кобрин 1985, 68–89; Назаров 2003; Грязнов 2019].

Далеко не всегда указанные грамоты принимались во внимание. В этом отношении московское правительство отличалось высокой степенью политического прагматизма: соблюдение данных в них обязательств должно было соответствовать его интересам. В среднесрочной перспективе грамоты, пожалованные Новгороду, Вязьме и Смоленску, утратили свое значение и не сказались на судьбах их непосредственных адресатов.

На рубеже XV–XVI столетий особый статус получили ярославские землевладельцы. В завещании Ивана III им была посвящена отдельная статья: «А бояром и детем боярским ярославским с своими вотчинами и с купьями от моего сына от Василья не отъехати никому никуда. А кто отъедет, и земли их сыну моему, а служат ему, и он у них в их земли не вступается, ни у их жон, ни у их детей» [Духовные и договорные

грамоты 1950, 356]. В этой статье, наряду с использованием рудиментарной лексики, примечательным является восприятие ярославцев в качестве отдельных субъектов права, отношения с которыми строились на договорных началах.

Больше известно о тверичах, которые попали в ведение «государей всея Руси» после похода на Тверь 1485 г. и бегства Михаила Тверского в Литву. В дальнейшем тверское княжество досталось Ивану Молодому, имевшему на него династические права. Он подтвердил права местной знати: «у себя пожаловал в боярех учинил». Информация о тверских боярах встречалась в различных источниках и в последующие годы. В 1495 г. в свите Ивана III присутствовали «из Тверские земли бояре». Они же и окольные упоминались в разрядах в 1501 и 1509 гг. Это не было формальностью. Известно, что длительное время (по крайней мере, до 1513 г.) в Твери функционировала собственная канцелярия, в ведении которой находились вопросы местного управления, в том числе и выдача жалованных грамот. «Двор тверской» упоминался в списке детей боярских 1542 г. во время встречи литовского посольства. В Дворовой тетради имелась рубрика «Тверь», где были представлены потомки старинных тверских землевладельцев и «помещики тверские», выходцы из других уездов [Антонов 1998, 282–284; Флоря 1975, 112–113; Флоря 1974, 45].

В значительной степени автономное существование поддерживалось совместной службой. Зачастую центральное правительство использовало в своих целях сложившиеся ранее формы её организации. В походах, как и в удельное время, нередко можно было встретить компактные группы местных детей боярских, выступавших отдельными отрядами. Разрядные книги показывают, что у тверичей бытовало регулярное использование представителей местного боярства в качестве воевод. В походе 1493 г. среди воевод «изо Твери» находились тверские служилые князя О. А. Дорогобужский и В. А. Микулинский, а также сразу несколько представителей тверского боярства. Судя по спискам погибших, тверичи участвовали в походе на Казань 1496 г. Среди воевод этого похода закономерно присутствовали тверские бояре. В 1500 г. в походе на ливонских немцев участвовали «Иван да Петр оба Борисовича и с тверици». Тверские воеводы сыграли свою роль также в победе при Ведроши, где погиб М.В. Шишков – «тферитин».²

Подобным образом первоначально развивались события и в Новгороде. В 1481 г. новгородские бояре В. Казимир и А. Самсонов были отправлены «с новгородскою силою» в помощь псковичам [ПСРА 1913, с. 269].

² Разрядная книга 1966, 23, 27, 28, 30, 31; Псковские летописи 1941, 85; Памятники истории русского служилого сословия 2011, 173.

На южной «украине» несли свою службу представители рязанского боярства. Некоторые из них регулярно упоминаются в разрядных книгах. В 1521 г., например, в Рязани вместе с московским наместником находились сразу 9 представителей этой корпорации, состоявших как на великокняжеской, так и на рязанской службе. Такая же ситуация наблюдалась в 1531 г., когда в разрядах «за городом на Резани» было отмечено 8 рязанцев из местных боярских фамилий [Разрядная книга 1966, с. 66-67, 76]. Эта практика была продолжалась и в дальнейшем.

Следует понимать, что в большинстве случаев ведущая роль местной боярской знати была характерна лишь для начальных этапов вхождения той или иной территории в состав единого государства. По мере формирования и укрепления там позиций центрального правительства представители «старой» элиты постепенно отходили на второй план. Их место занимали присланные из Москвы воеводы и наместники (в Новгороде также дьяки). Разделение территории бывшего Тверского княжества между сыновьями Ивана III в значительной мере подорвало потенциал тверского боярства. Сами тверские бояре как особая категория перестают упоминаться в источниках сразу после 1509 г. Вскоре прекратила свою деятельность особая тверская канцелярия. Исчезли сообщения о «тверской силе» во главе с представителями местного боярства. Еще более скоротечной оказалась служба новгородских бояр. Потомки рязанских бояр несли стратигатскую службу на крайне опасном из-за татарских набегов направлении. Здесь им трудно было найти полноценную замену, поэтому они долго удерживали своё влияние в регионе.

Немаловажное значение при для сохранения обособленности некоторых групп служилых людей на неопределенный имел тот факт, что великокняжеская власть некоторые решения принимала по инерции. В Тысячной книге 1550 г. и в Дворовой тетради, например, встречаются упоминания о «людях» удельных князей Андрея Старицкого («поиман» в 1537 г.), Юрия Дмитровского (1533 г.), Дмитрия Углицкого (умер в 1521 г.) и служилого князя Василия Шемячича (заключен под стражу в 1525 г.) [Тысячная книга 1950, 60, 66, 68, 81, 161, 164, 205, 208]. Существовали и группы бывших удельных городских детей боярских. В середине XVI века они все еще не были объединены с уездными детьми боярскими. Согласно отдельным спискам, на службе состояли и некоторые сложившиеся в рамках удельных и служилых княжеств территориальные корпорации, в том числе весьма дробного характера. В 1552 г. в Путивле находилось несколько отрядов детей боярских. Некоторые из них представляли отдельные волости, входившие прежде в состав служилых княжеств: Товарковой слободы, Мышеги, Хотуни. Упомянутые здесь «мышагжане» фигурировали также в разряде казанского похода 1549 г. [Русский исторический сборник 1842, 27; Роспись 2009, 227]. Не отличаясь по

существо от остальных детей боярских, они, тем не менее, долго не сливались с ними в рамках единых «городов».

Подобное положение вещей устраивало центральное правительство, которое не предпринимало решительных действий для его пересмотра. С делопроизводственной точки зрения в этом случае наиболее простым решением было продолжение ведения составленных когда-то списков «людей» удельных и служилых князей без проведения трудозатратных верстаний, хотя очевидно, что при наличии политической воли решить этот вопрос было достаточно просто. В 1550-е гг. после проведения общегосударственных смотров большая часть подобных групп перестала упоминаться в источниках.

Отличались от местных детей боярских также оказавшиеся перемещенными в другие части страны переселенцы. Часто они компактно размещались неподалеку друг от друга. Длительность сохранения ими обособленного положения напрямую зависела от несения службы по особым спискам, должна была подтверждать целесообразность их существования в виде отдельной группы. С увеличением темпов поместной колонизации в состав новых корпораций, создававшихся на окраинах страны, включалось в себя большое число выходцев из различных уездов. Общность статуса и совместная служба в течение короткого времени нивелировали разницу различия между ними.

Какое-то время новые переселенцы, сохраняли память о своем происхождении. Интересным является пример В. И. Хруцова Болтина. Этот сын боярский, попавший в литовский плен в 1535 г., в протоколе допроса был обозначен как «родом з Ростова, помещик з Лук». Подобная характеристика с избыточной информацией о его ростовском происхождении явно была записана с его слов, являясь одним из маркеров самоидентификации служилого человека. На практике, однако, земляческие связи не имели большого значения. Анализ системы поручительства по данным более поздней десяти 1577 г. показывает, что выходцы с одних и тех же территорий, волею судьбы оказавшиеся вместе в Коломенском уезде, не слишком поддерживали друг друга, начиная строить отношения с новыми сослуживцами [Радзивиловские акты 1997, 137; Бенцианов 2019, 279].

Те же новгородцы – «прирожденные изменники», по словам промосковских летописцев, – быстро утратили свою идентичность, будучи переведенными в центральные уезды. Некоторые из них, очевидно, уже 1480-е гг. получили статус дворовых детей боярских и были уравнены за счет этого в правах с представителями «старых» служилых фамилий. В качестве кормленщика отметился даже Я. И. Дмитриев Исаков, внук казненного после Шелонской битвы «крамолника» Д. И. Борецкого и правнук «прелестные жены Марфы» – знаменитой Марфы-посадницы. Несмотря на внушительное количество обладателей новгородских фамилий в некоторых уездах (Юрьевском,

Владимирском, Костромском и особенно Нижегородском), в источниках отсутствуют упоминания о сохранении ими внутрикорпоративных связей. Единственное территориальное обозначение, указывающее на происхождение человека, встречается в списке погибших в битве при Ведроши (1500 г.), где упоминается И. А. Самсонов, «новгородец» [Памятники истории русского служилого сословия 2011, 175].

Вторичный характер имела обособленность новгородских помещиков, потомков испомещенных на конфискованных землях московских служилых людей, хотя в некоторых случаях они позднее и воспринимались как наследники новгородских бояр [Бенцианов 2015].

Быстро растворились в общей массе псковские бояре – 300 семей, – хотя, похоже, многие из них не смогли подтвердить свой статус в качестве детей боярских.

Более длительным оказалось обособленное существование «вятчан». Представители этой группы в 1490-е гг. получили поместья в Боровском, Алексинском и Кременском уездах. Некоторые из них по старой памяти в 1499 г. участвовали в походе на «Югорскую землю» – вятчане, «которые живут в Московской земле» [разрядная книга 1966, 29].

Упоминание «вятчан» встречается в актовых материалах, а также в платежной книге Московского уезда 1542/43 г. Их служба по отдельному списку подтверждается перечнем сводной десятины 1556 г.: «... десятиня ружан, серпухович, торушан, вятчан, борович». «Вятчане из Боровска» упоминаются в разряде полоцкого похода 1562/1563 г. «Вятчане» фигурируют также в тексте рузской писцовой книги 1567–1569 гг.

Можно предположить, что указанные «вятчане» ощутили не дотягивали до стандартов, необходимых для присвоения статуса детей боярских. Существуют единичные упоминания о землевладении вятских бояр до московского завоевания. Отсутствие впоследствии испомещений на территории Вятского уезда свидетельствует о слабом развитии там ранее феодального землевладения. В 1542/43 г. в Московском уезде «вятчанину» Я. Труханову принадлежало среднее поместье размером в 100 четвертей (полчети сохи) земли. В Рузском уезде «вятчане» коллективно владели небольшими земельными участками. Один из них, Родя, значился в писцовой книге без фамилии. В индивидуальном порядке некоторые «вятчане» могли повысить свой статус. Известно, что уже в начале XVI в. Костяю Вятчанинову принадлежали земли (на правах вотчины) в Звенигородском уезде. Позднее, в 1529/30 г., вотчина (приданое) Московского уезда принадлежала Д. Ф. Лихотникову.³ Лихотниковы впоследствии числились среди московских детей боярских. Они, видимо, занимали

³ НИОР РГБ. Ф. 303. Кн. 637. Л. 287; Рузский уезд 1997, с. 172-173; Духовные и договорные грамоты 1950, 380; Акты московского Симонова монастыря 1983, 38.

промежуточное положение, сопоставимое с положением «ивангородцев» в Новгородской земле, и, соответственно, не смешивались с детьми боярскими.

При обсуждении вопроса о социальных перегородках, предотвращавших слияние некоторых групп служилых людей с основной массой детей боярских, необходимо представлять логику и последовательность решений центрального правительства. Разница в подходах отчетливо проявилась при испомещении уже упомянутых «ивангородцев». Состав этой группы комплектовался из «людей» новгородских бояр, взятых на великокняжескую службу. Все они получили небольшие поместья, размеры которых приблизительно были равны пяти обжам («пятибежники» в источниках более позднего времени). Примечательно, что другие «люди» новгородских бояр, в том числе имевшие тех же владельцев, присутствовали среди собственно новгородских помещиков. Размеры их поместий были значительно больше. Я. Бунков – «Ивановской человек Лошинского», – например, располагался внушительным поместьем размером в 61 обжу. Отмеченная разница объяснялась разным временем испомещения. «Ивангородцы» как особая категория появились уже после 1496 г., когда шведскими войсками был взят Ивангород [Бернадский 1961, 327–331; Писцовые книги 1999б, 225]. К этому времени в новгородских поместьях находилось уже большое число помещиков. Следовательно, проблема заключалась не столько в количественном насыщении новой корпорации, точнее нескольких пятинных субкорпораций, служилыми людьми, сколько в организации правильной службы.

В более ранние годы задача формулировалась по-другому: необходимо было в короткие сроки создать в Новгородской земле внушительный корпус детей боярских, которые бы заменили собой выселенных бояр и житых. Соответственно, при существовавшем тогда кадровом дефиците и ограниченности выбора местная администрация считала возможным включить в число помещиков определенное количество «людей» московских и новгородских аристократов. Некоторые из них ранее находились на положении холопов (Ватазины, И. Черныш Уваров). Все они получили полноценные поместья, сопоставимые по своим размерам с поместьями других детей боярских. Упоминания об их прежней владельческой принадлежности, встречающиеся в писцовых книгах, скорее всего, не были отражением особого статуса, а свидетельствовали о раздаче им поместий по спискам. Употреблялись и территориальные названия для обозначения для некоторых детей боярских: луховичи, Я. Черной Пуцин – «звенигородец» и т. д. В дальнейшем потомки послужильцев также не выделялись среди новгородских помещиков. Нападки на них со стороны сослуживцев и обвинения в «низком» происхождении начались только в XVII в., когда среди городского дворянства широко распространились местнические традиции.

Некоторые «люди» князя И. Ю. Патрикеева получили поместья в Каширском уезде, где, очевидно, тоже имелись проблемы с комплектованием местной служилой корпорации. Не исключено, что подобная ситуация существовала и на других пограничных территориях страны.

Несформированность сословной культуры способствовала периодическому проникновению в ряды детей боярских представителей других социальных прослоек. В их среде неоднократно появлялись потомки дворцовых слуг разного уровня. Ю. Г. Алексеев обратил внимание на пример Б. Д. Косагова, который из крестьян села Каринского за несколько лет превратился в сына боярского [Алексеев 1966, 24-25]. Позднее Косаговы также упоминаются среди детей боярских.

Единичные случаи социального взлета происходили и в высших эшелонах Государева двора (купцы Ховрины, сыновья дьяка Е. Попова Сергеева и др.). Однако и это никак не влияло на карьерный рост возвысившихся лиц, которые быстро становились частью той или иной служилой корпорации.

Относительная легкость интеграции различных групп служилых людей в существующую модель организации службы была обусловлена отсутствием у большинства из них сформировавшихся корпоративных черт. Служилые корпорации создавались и поддерживались уже в рамках единого государства. Поземельные связи и связи, возникавшие во время предшествующей совместной службы, в группах служилых людей с присоединяемых к Московскому государству территорий были неустойчивы и достаточно условны. При проведении земельных переселений (принудительных или добровольных) такого рода связи утрачивались в течение жизни одного поколения. Размытость критериев делала возможным проникновение в среду детей боярских выходцев из других социальных прослоек.

Материалы Дворовой тетради показывают, что существовавшие в середине XVI в. обособленные группы имели, скорее, вторичный характер. Центральное правительство либо создавало их искусственно, как в случае с «литвой дворовой», либо прикладывало определенные усилия для их длительного функционирования, чему служат примером родовые княжеские корпорации, защищавшиеся указами о родовых вотчинах. Этот процесс не затронул удельных детей боярских – «княж Юрьевских» и «княж Андреевских» – представителей исчезнувших в предыдущие десятилетия княжеств. Тем не менее, удельная система в это время была реанимирована. Новые уделы получили Владимир Старицкий (воссозданный отцовский удел) и Юрий Углицкий. Эти уделы были полностью укомплектованы дворовыми, включая бояр и приказных людей, и городовыми детьми боярскими. Часть служилых людей назначили на службу к царям Симеону Касаевичу и Симеону Бекбулатовичу, а также к царице Анастасии Романовой.

Такие целенаправленные действия верховной власти свидетельствуют о значимости перечисленных групп в общей системе организации службы на протяжении длительного времени и доказывают необходимость тщательного изучения их происхождения, особенностей статуса и эволюции. Не меньшее значение имеет выяснение причин их исчезновения, среди которых происходившие в середине – второй половине XVI в. перемены и консолидация массы служилых людей на основе унифицированных стандартов службы.

Библиография

- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. 1841. Т. 1. СПб.
- Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. 1997. Т. 1. М.: Археографический центр.
- Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). 1983. Л.: Наука.
- Акчурин М.М. 2019. Административно-территориальное устройство Мещеры XV — начала XVII вв. (Этнополитические аспекты). Дис... канд. ист. наук. Казань
- Алексеев Ю.Г. 1966. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.-Л.: Наука.
- Алексеев Ю.Г. 2009. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Антонов А.В. 1998. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV — середины XVI века // Русский дипломатарий. Вып. 3. М. Древлехранилище: 112—113.
- Бенцианов М.М. 2019. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв. М.: Центрполиграф.
- Бенцианов М.М. 2015. Новгородские бояре — новгородские дети боярские. К вопросу о преемственности // Исследования по истории Восточной Европы / *Studia Historica Europae Orientalis*. Вып. 8. Минск: Республиканская школа высшего образования: 133—146.
- Бернадский В.Н. 1961. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Веселовский С.Б. 1947. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. Т. 22. М.: 101—127.
- Герберштейн Сигизмунд. 1988. Записки о Московии. М.: Издательство МГУ.
- Городилин С.В. 2013. К вопросу о родовых владениях ростовских князей после прекращения существования Ростовского княжества // История и культура Ростовской земли. 2012. Ростов: Ростовский кремль: 55—65.
- Грязнов А.А. 2019. Землевладение Белозерских князей и законодательство о землевладении в XVI в. // Комплексный подход в изучении истории Древней Руси. Сб. мат-лов X Междунар. конф. (9—13 сентября 2019 г.). М.: Институт российской истории РАН: 63—65.

- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Зимин А.А. 1973. Дмитровский удел и удельный двор во второй половине XV — первой трети XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 5. Л.: АН СССР, С. 182—195.
- Зимин А.А. 1977. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М.: Наука: 161—188.
- Зимин А.А. 1988. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М.: Наука.
- Кобрин В.Б. 1985. Власть и собственность в средневековой России. М.: Мысль.
- Ключевский В.О. 1902. Боярская дума древней Руси. М.
- Назаров В.Д. 2003. Княжеское родовое землевладение в России: традиционное право и приговор 1551 г. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Мат-лы XXVIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга: РАН: 16—35
- Назаров В.Д. 2000. О титулованной знати в России в конце XV в. // Древнейшие государства Восточной Европы 1998 г. М.: Восточная литература: 195—204.
- Назаров В.Д. 1999. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатарий. Вып. 5. М.: Памятники исторической мысли: 175—196.
- Памятники истории русского служилого сословия. 2011. / Сост. А.В. Антонов. М.: Археографический центр.
- Писцовые книги Новгородской земли. 1999. Т. 1. М.: Древлехранилище.
- Полное собрание русских летописей. 1863. Т. 15. СПб.
- Полное собрание русских летописей. 1913. Т. 18. СПб.
- Полное собрание русских летописей. 1910. Т. 23. СПб.
- Полное собрание русских летописей. 1949. Т. 25. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Полное собрание русских летописей. М., 1982. Т. 37
- Попов С.Н. Тверская знать на московской государевой службе в конце XV — первой половине XVI в. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
- Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 1950. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Псковские летописи 1941. Вып. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. 2002. // Памятники истории Восточной Европы (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia). Т. 6. М., Варшава: Древлехранилище.
- Разрядная книга 1475—1598 гг. 1966. М.: Наука.
- Роспись «городам» детей боярских по воеводским полкам накануне Второго Казанского похода Ивана Грозного (1549). 2009 // Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска. Приложение // Единорогъ. Материалы

по военной истории эпохи Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 1. М.: Квадрига.

Русский уезд по писцовой книге 1567—1569 гг. 1997. // Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 4. М.: Памятники исторической мысли.

Русский исторический сборник. М., 1842. Т. 5. Кн. 2.

Сметанина С.И. 1995. Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // Архив русской истории. Вып. 5. М.: Археографический центр: 49—80.

Стрельников С.В. 2009. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVI века. М.-СПб.: Альянс-Архео.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. 1950. М.-Л.: Изд-во АН СССР.

Флоря Б.Н. 1974. Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // Археографический ежегодник за 1973 г. М.: Наука: 43-57.

Флоря Б.Н. 1975. О путях политической централизации (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М.: Наука: 281—290.

References

Abramov, P. N. 1961. "Volostnyie zemstva [Country Existences]." *Istoricheskie zapiski* 79: 29–56.

Akty` istoricheskie, sobranny`e i izdanny`e Arхеograficheskoyu komissieyu [Historical Acts Compiled and Published by the Archaeographic Commission]. 1841. SPb., T. 1. (In Russian)

Akty` sluzhily`x zemlevladel`cev XV — nachala XVII veka [Acts of Service Landowners of the XV – Beginning of the XVII Century] 1997. М.: Arхеograficheskij centr [Archaeographic Center]. T. 1. (In Russian)

Akty` feodal`nogo zemlevladeniya i zozyajstva: Akty` moskovskogo Simonova monasty`rya (1506—1613 gg.) [Acts of Feudal Land Tenure and Economy: Acts of the Moscow Simonov Monastery (1506-1613)]. 1983. L.: М. Nauka [Science]: (In Russian)

Akchurin M.M. 2019. Administrativno-territorial`noe ustrojstvo Meshery` XV — nachala XVII vv. (E`tnopoliticheskie aspekty`) [The Administrative-Territorial Structure of the Meschera of the XV - Beginning of the XVII Centuries. (Ethnopolitical aspects)]. Dis... kand. ist. nauk. Kazan`. (In Russian)

Alekseev Yu.G. 1966. Agrarnaya i social`naya istoriya Severo-Vostochnoj Rusi XV—XVI vv. Pereyaslavskij uезд [Agrarian and Social History of North-Eastern Russia of the XV — XVI centuries. Pereyaslavsky District]. М.- L.: Nauka [Science] (In Russian)

Alekseev Yu.G. 2009. Poxody` russkix vojsk pri Ivane III [Campaigns of Russian Troops Under Ivan III]. SPb.: Izd-vo Sankt-peterburgskogo universiteta [St. Petersburg University Press] (In Russian)

Antonov A.V. 1998. Iz istorii velikoknyazheskoj kancelyarii: kormlenny`e gramoty` XV — serediny` XVI veka [From the History of the Grand Chancellery: Fed Letters of the XV - mid XVI Century] in *Russkij diplomatarij* [Russian

- Diplomaty]. Vy`p. 3. M.: Drevlexranilishhe [Old Repository]: 112—113. (In Russian)
- Bencianov M.M. 2019. «Knyaz`ya, boyare i deti boyarskie». Sistema sluzhebny`x otnoshenij v Moskovskom gosudarstve v XV—XVI vv. ["Princes, Boyars and Boyar Children." The System of Service Relations in the Moscow State in the XV — XVI Centuries]. M.: Centrpoligraf [Centerpoligraph] (In Russian)
- Bencianov M.M. 2015. Novgorodskie boyare — novgorodskie deti boyarskie. K voprosu o preemstvennosti [Novgorod Boyars are Novgorod Boyar Children. To the Question of Succession] in Issledovaniya po istorii Vostochnoj Evropy [Studies on the history of Eastern Europe] / Studia Historica Europae Orientalis [Studia Historica Europae Orientalis]. Vy`p. 8. Minsk: Respublikanskij institut vy`sshej shkoly` [Republican Institute of Higher Education]. 133—146. (In Russian)
- Bernadskij V.N. 1961. Novgorod i Novgorodskaya zemlya v XV veke [Novgorod and Novgorod land in the 15th Century]. M.- L.: Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the Academy of Science of the USSR] (In Russian)
- Veselovskij S.B. 1947. Poslednie udely` v Severo-Vostochnoj Rusi [The last udel's in North-Eastern Russia] in Istoricheskie zapiski [Historical notes]. T. 22. M.: 101—127. (In Russian)
- Gerbershtejn Sigizmund. 1988. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. M.: Izd.-vo MGU [Publishing House of Moscow State University]. (In Russian)
- Gorodilin S.V. 2012. K voprosu o rodovy`x vladeniyax rostovskix knyazej posle prekrashheniya sushhestvovaniya Rostovskogo knyazhestva [On the Issue of Patrimonial Possessions of the Rostov Princes After the End of the Existence of the Rostov Principality] in Istoriya i kul`tura Rostovskoj zemli [History and Culture of the Rostov land]. Rostov: Rostovskij kremľ` [Rostov Kremlin] 55—65. (In Russian)
- Gryaznov A.L. 2019. Zemlevladienie Belozerskix knyazej i zakonodatel`stvo o zemlevladienii v XVI v. [Land Ownership of the Belozersky Princes and Legislation on Land Ownership in the XVI Century] in Kompleksny`j podhod v izuchenii istorii Drevnej Rusi. Sb. mat-lov X Mezhdunar. konf. (9—13 sentyabrya 2019 g.) [A Comprehensive Approach to the Study of the History of Ancient Russia. Sat mat X International conf. (September 9—13, 2019)]. M.: Institut rossijskoj istorii RAN [Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences] 63—65. (In Russian)
- Duxovny`e i dogovorny`e gramoty` velikix i udel`ny`x knyazej XIV-XVI vv. [The Duchovny and Contractual Charters of the Great and Specific Princes of the XIV-XVI Centuries] 1950. M.- L.: Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the Academy of Science of the USSR] (In Russian)
- Zimin A.A. 1973. Dmitrovskij udel i udel`ny`j dvor vo vtoroj polovine XV — pervoj treti XVI v. [Dmitrovsky Inheritance and the Specific Yard in the Second Half of the XV – the First Third of the XVI Century] in Vspomogatel`ny`e istoricheskie discipliny` [Auxiliary Historical Disciplines]. Vy`p. 5. L.: AN SSSR [Academy of Sciences of the USSR]: 182—195. (In Russian)
- Zimin A.A. 1977. Udel`ny`e knyaz`ya i ix dvory` vo vtoroj polovine XV i pervoj polovine XVI v. [The Udel's Princes and Their Courts in the Second Half of the XV and

- First Half of the XVI Century] in *Istoriya i genealogiya* [History and Genealogy]. M.: Nauka [Science] 161—188. (In Russian)
- Zimin A.A. 1988. Formirovanie boyarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV — pervoj tretej XVI v. [The Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the XV - the First Third of the XVI Century]. M. Nauka [Science]. (In Russian)
- Kobrin V.B. 1985. Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoj Rossii [Power and Property in Medieval Russia]. M.: Mysl [Thought] (In Russian)
- Klyuchevskij V.O. 1902. Boyarskaya дума drevnej Rusi [Boyar Council of Ancient Russia]. M. (In Russian)
- Nazarov V.D. 2003. Knyazheskoe rodovoe zemlevladienie v Rossii: tradicionnoe pravo i prigovor 1551 g. [Princely Patrimonial Land Tenure in Russia: Traditional Law and the Sentence of 1551]: Mat-ly` XXVIII sessii simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy` [Land Tenure and Land Use in Russia (Social and Legal Aspects): Proceedings of the XXVIII Session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe] in *Zemlevladienie i zemlepol'zovanie v Rossii (social'no-pravovy'e aspekty')*. Kaluga: RAN [Russian Academy of Sciences] 16—35. (In Russian)
- Nazarov V.D. 2000. O titulovannoj znati v Rossii v konce XV v. [About the Titled Nobility in Russia at the End of the XV Century] in *Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy` 1998 g.* [The Oldest States of Eastern Europe 1998] M.: Vostochnaya literatura [Vostochnaya Literatura]: 195—204. (In Russian)
- Nazarov V.D. 1999. Sluzhily`e knyaz`ya Severo-Vostochnoj Rusi v XV veke [Service Princes of North-Eastern Russia in the 15th Century] in *Russkij diplomatarij* [Russian Diplomatarium]. Vy`p. 5. M.: Pamyatniki istoricheskoy my`sli [Monuments of historical thought] 175—196. (In Russian)
- Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya* [Monuments of the History of the Russian Service Class]. 2011. Sost. A.V. Antonov. M.: Drevlexranilishhe [Old Repository]. (In Russian)
- Piszcovy`e knigi Novgorodskoj zemli* [Scribe Books of Novgorod Land]. 1999. T. 1. M. (In Russian)
- Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. 1863. T. 15. SPb. (In Russian)
- Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. 1913. T. 18. SPb. (In Russian)
- Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. 1910. T. 23. SPb. (In Russian)
- Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. 1949. T. 25. M.- L.: Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the Academy of Science of the USSR] (In Russian)
- Polnoe sobranie russkix letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles]. 1982. T. 37. M.: M. Nauka [Science]: (In Russian)
- Popov S.N. 2006. Tverskaya znat' na moskovskoj gosudarevoj sluzhbe v konce XV — pervoj polovine XVI v. [Tverskaya Nobility in the Moscow Sovereign Service in the Late XV - First Half of the XVI Century] Diss. ... kand. ist. nauk. SPb. (In Russian)

- Priselkov M.D. 1950. Troiczskaya letopis`. Rekonstrukciya teksta [Trinity Chronicle. Reconstruction of the text]. M.- L.: Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the Academy of Science of the USSR] (In Russian)
- Pskovskie letopisi [Pskov annals]. 1941. Vy`p. 1. M.: Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the Academy of Science of the USSR] (In Russian)
- Radzivillovskie akty` iz sobraniya Rossijskoj nacional`noj biblioteki: pervaya polovina XVI v. [Radziwill Acts from the Collection of the Russian National Library: First Half of the 16th Century] 2002. in Pamyatniki istorii Vostochnoj Evropy` (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia) [Monuments of the History of Eastern Europe (Monumena Historica Res Gestas Europae Orientalis Illustrantia)]. T. 6. M.-Varshava: M.: Drevlexranilishhe [Old Repository]. (In Russian)
- Razryadnaya kniga 1475—1598 gg. [Razryadnay Book] 1966. M., Nauka [Science]. (In Russian)
- Rospis` «gorodam» detej boyarskix po voevodskim polkam nakanune Vtorogo Kazanskogo poxoda Ivana Groznogo (1549) [The Painting on the “Cities” of the Children of the Boyars on the Regiment’s Regiments on the Eve of the Second Kazan Campaign of Ivan the Terrible (1549)]. 2009. in Kurbatov O.A. Reorganizaciya russkoj konnicy v seredine XVI v.: idejny`e istochniki i celi reform czarskogo vojska. Prilozhenie [Reorganization of the Russian Cavalry in the Middle of the 16th Century: Ideological Sources and Goals of the Reform of the Tsarist Army. Appendix] in Edinorog`. Materialy` po voennoj istorii e`poxi Srednix vekov i rannego Novogo vremeni [Unicorn. Materials on the Military History of the Middle Ages and Early Modern Times]. Vy`p. 1. M.: Kvadriga [Quadriga] (In Russian)
- Ruzskij uezd po pisczovoj knige 1567—1569 gg. [Ruzsky District According to the Scribe Book of 1567-1569] 1997 in Materialy` dlya istorii Zvenigorodskogo kraja [Materials for the History of the Zvenigorod Region]. Vy`p. 4. M.: Pamyatniki istoricheskoy my`сли [Monuments of historical thought] (In Russian)
- Russkij istoricheskij sbornik [Russian Historical Collection]. 1842. T. 5. Kn. 2. M. (In Russian)
- Smetanina S.I. 1995. Ryazanskie feodaly` i prisoedinenie Ryazanskogo knyazhestva k Russkomu gosudarstvu [Ryazan Feudal Lords and the Annexation of the Ryazan Principality to the Russian State] in Arxiv russkoj istorii [Archive of Russian History]. Vy`p. 5. M., Drevlexranilishhe [Old Repository]: 49—80. (In Russian)
- Strel`nikov S.V. 2009. Zemlevladienie v Rostovskom krae v XIV — pervoj treti XVI veka [Land Ownership in the Rostov Region in the XIV - the First Third of the XVI Century]. M.-SPb: Al`yans-Arxeo [Archeo Alliance] . (In Russian)
- Ty`syachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad` 50-x gg. XVI v. [The Thousand Book of 1550 and the Yard Notebook of the 50s XVI Century] 1950. M.- L., Izd-vo AN SSSR [Publishing House of the Academy of Science of the USSR] (In Russian)
- Florya B.N. 1974. Neskol`ko zamechanij o «Dvorovoj tetradi» kak istoricheskom istochnike [Some Remarks on the “Yard Notebook” as a Historical Source] in

Arхеograficheskiј ezhegodnik [Archaeographic Yearbook] za 1973 g. M. Nauka [Science]: 43-57 (In Russian)

Florya B.N. 1975. O putyax politicheskoy centralizacii (na primere Tverskoj zemli) [About the Ways of Political Centralization (on the Example of the Tver Land)] in Obshhestvo i gosudarstvo feodal'noj Rossii [Society and the State of Feudal Russia]. M. Nauka [Science]: 281—290. (In Russian)

Об авторе

Бенцианов Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

About the authors

Mikhail Bentsianov, Candidate of Science in History, is Associate Professor at Ural Federal University after the First President of Russia B. N. Yeltsin.

Received April 1, 2020

Accepted April 20, 2020

Published November 29, 2020